

РЯДОМ С СУДЕЙ

ЗА ВСЕ ДЕСЯТЬ дней очередных заседаний в суде мы никого не приговорили хотя бы к одной неделе лишения свободы. Не было в эту декаду ни уголовных, ни явно хулиганских дел. Это, конечно, отрадно. Но и так называемые гражданские дела заставляют глубоко задуматься не только над уровнем человеческого отношения, но и над вопросами совершенствования нашего судопроизводства.

Записка народного заседателя

лично зарабатывающая дочь выплачивала ей ежемесячно 30 рублей. Но та согласна только на 25.

Обращаясь к суду, старушка рассказывает, что оставшись совсем одинокой, она приехала из деревни и поселилась у своей дочери. Дочь была недолговечна присутствием матери, хотя материально ей помогала не она, а другие дети. Однажды старушка обнаружилась, что из-под подушки у нее исчезла тысяча рублей ее личных сбережений. Жизнь стала совсем невыносимой, когда остаток своих денег мать положила в сейрхасу, и старейшая женщина пришла уйти к другой дочери. Так возникло алиментное дело. Суд, конечно, встал на сторону престарелой женщины, но он не заинтересовался, как не относился к делу фактом, что дочь похитила у матери тысячу рублей. Не получило осуждения и то моральное уродство, которое обнаружила ответчица, споря с матерью из-за пяти рублей.

Такое формальное отношение к живым, человеческим делам нередко приводит к отрицательным результатам.

Вот, к примеру, семья Ч. — муж, жена, ребенок. Семья, может быть, не идеальная, но во всяком случае в ней царил мир. Хорошо зарабатывая, слесарь Ч. ежемесячно вручал супруге большую часть своей зарплаты. Но однажды Ч. выехал в длительную командировку. По возвращении в Москву он, сославшись на то, что задолжал в чужом городе, передал жене из очередной зарплаты сумму значительно меньшую обычной. Недовольство супруги перешло в ссору. Старушка она подала в суд заявление, требуя алиментов с мужа. Иск был удовлетворен. Но думается, это решение суда резко ухудшило отношения в семье. Выплачивая жене по исполнительному листу сумму почти вдвое меньшую, чем обычно, муж стал порожать по своему усмотрению остальных заработком.

Когда материальные отношения между мужем и женой регулируются исполнительным листом, вряд ли можно ждать укрепления семьи. Более вероятно, что появившаяся трещина вскоре приведет супругов к в народный суд уже по делу о расторжении брака.

В связи с этим невольно приходит мысль о том, что нас почему-то предают забвению такое могучее средство воздействия и воспитания, как общественные суды на предприятиях, в учреждениях, при домоуправлениях. Сколько семейных и иных неурядиц могло быть с успехом улажено, если бы эти суды действовали повсеместно и регулярно! Это не только освободило бы народные суды от массы мелких бытовых дел, но и сыграло бы значительную роль в воспитании широких масс. Это послужило бы отличной школой подлинно социалистических норм поведения.

Во многих случаях решение общественных судов может быть гораздо обоснованней, чем решение судов народных, а форма общественного осуждения — более действенной. То, что хорошо известно общественности, очень часто бывает скрыто от судьи и заседателя. Ведь иногда составу народного суда очень трудно как следует разобраться во всех деталях дела, особенно если в зале присутствуют только истец, ответчик, да в лучшем случае два свидетеля. Больше того, разноречивые показания сторон могут запутать дело, которое вполне ясно для той среды, в которой живут и работают эти люди.

В свое время действовало специальное Положение о товарищеских судах, но теперь оно мало кому известно. Возможно, что в нынешних условиях это Положе-

ние устарело и требуется новое. Но так или иначе, надо узаконить и оживить общественные суды на крупных предприятиях, в колхозах и учреждениях. Мы беседовали по этому поводу с некоторыми судьями Щербановского района Москвы. Все они, в один голос, высказываются за это очень нужное и полезное дело. Мнения расходятся лишь в принципе организации товарищеских судов. Одни считают, что работать эти суды должны под руководством судов народных, а возглавлять их могли бы имеющиеся ввиду народные заседатели. Другие предлагают передать это дело целиком в руки местной общественности. Но как бы там ни было, суды общественные или товарищеские должны существовать.

Однажды зал заседаний нашего суда был переполнен людьми. — их привлекло сюда дело гражданки Х. Гребенок, обвинявшейся в хулиганских выходках по отношению к своей соседке по квартире гражданке О. Дело в суде возникло так: Гребенок в одной из двух комнат своей квартиры устроила гостиницу. Здесь останавливались на ночь приезжавшие из разных мест люди с различным товаром для сбыта на ближайшем рынке. Довольно часто составляла довольно солидную сумму. Райсовет, узнав об этой своеобразной спекуляции площадью, изъясил из жилищной комнаты и поселил в нее по ордеру пенсонерку О. Злоба соседки обрушилась на неповинную женщину.

Все увидев, знает Гребенок как отъявленную дебошницу и драчунью. Многие из жителей улицы пришли в суд, чтобы послушать разбор ее дела.

На суде она держалась «гордо и незасимчиво». Используя свое право, она потребовала вызвать двух свидетелей, и тут же выслушала, что оба эти свидетеля надолго выехали из Москвы. Однако, соблюдая букву закона, суд вынужден был отложить слушание дела.

Надо было видеть, как возмущались люди, пришедшие в зал суда. Многие из них пришли, чтобы дать показания по делу дебошницы, откровенные поступки которой известны всей улице. Они приводили десятки фактов. В тот же день эти факты пополнились: спускался с лестницы здания суда, хулиганка ударила одну из женщин и угрожала расправиться со всеми, кто посмеет пойти против нее.

Кто знает, когда вновь будет слушаться дело Гребенок? Кто знает, что успеет натворить она за это время, продолжая издеваться над беззащитной О? Зато полностью соблюдена формальная охраняющая права подсудимого. И любая прощайка, хорошо знающая наши гуманные законы, может продолжать безнаказанно творить свои грязные дела. Правильно ли это?

Наконец, еще одно соображение. Нужно ли загружать народные суды так называемыми делами о штрафах, которые милиция накладывает на граждан за всякие мелкие нарушения? Дела эти судом не слушаются, но оформляются документально. Не правильней ли было бы все штрафные дела полностью поручить милиции? Суд должен заниматься только спорными или явно незаконными случаями штрафования, которые, к слову сказать, редки.

Эти мысли приходят, когда участвуешь в судебном процессе в качестве судебного заседателя. У каждого из нас, заседателей, много предложений. И если бы собрать их, обобщить, то, вероятно, они внесли бы в практику нашего подлинно народного правосудия много нового, и это несомненно послужило бы вкладом в совершенствование судебного процесса.

А. ШАБАНОВ

КИНОРЕЖИССЕР С. Герасимов завершает работу над третьей серией «Тихого Дона». Только что окончился натурный съемки в Одесском порту. Сейчас остались лишь некоторые павильонные съемки, за которыми последуют монтаж кадров, запись музыки, на что уйдут оставшиеся дни декабря и, возможно, первые дни нового года. В январе третью серию фильма намерены показать зрителю.

В истории советского кино доныне, пожалуй, не было работы столь крупного масштаба, как постановка этого замечательного эпического произведения советской литературы. На важнейшие роли нужно было найти по меньшей мере восемьдесят актеров, метрста — для участия в эпизоде, а в массовых сценах заняты тысячи людей.

На снимке (справа налево): артист П. Глебов в роли Григория Мелехова, режиссер С. Герасимов и оператор В. Рапопорт на съемках Одесского порта. Фото А. Фатеева

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Судьба художника

НАМ, постоянным читателям «Литературной газеты», хочется рассказать о судьбе талантливого русского скульптора — Павла Ивановича Безрукова. Выставка, пользовавшаяся большим успехом у посетителей парка: ежедневно ее осматривали сотни людей. Восхищение и глубокую признательность отражают многочисленные записки, сделанные в книге отзывов.

Но выставка закрылась, и ценные произведения вновь были свалены в комнаты, где проживают Безруковы.

Надо создать этой талантливой семье условия творческой работы русских художников.

как и он, скульпторами по дереву. Этим летом в Соколынецком парке культуры и отдыха были показаны работы П. П. Безрукова. Выставка, пользовавшаяся большим успехом у посетителей парка: ежедневно ее осматривали сотни людей. Восхищение и глубокую признательность отражают многочисленные записки, сделанные в книге отзывов.

Но выставка закрылась, и ценные произведения вновь были свалены в комнаты, где проживают Безруковы.

Надо создать этой талантливой семье условия творческой работы русских художников.

Л. РЕШЕТКИНА, педагог, пенсионерка Т. СОЛОВЬЕВА, научный сотрудник Н. ВИНШТОК, лектор Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, М. КОНЕНКО, пенсионерка, В. АБРЕЗКО, педагог школы № 337.

Странствующая редакция

Мы обратили внимание на заметку, опубликованную в «Литературной газете» 14 января с. т. «Еще через 40 лет, где говорилось о своеобразной анкете, проведенной журналом «Знание — сила» и позанимались подробнее с его одиннадцатым номером.

Отвечая на призыв «Литературной газеты» — «это интересно, прочтите!», — мы можем сказать: прочти, это действительно интересно. Возникло даже желание позвонить в редакцию этого журнала, который мы все давно знаем, в котором многим из нас не раз приходилось печататься, и поздравить с удачей. Но, увы, в конце номера не оказалось ни адреса, ни телефона. Справочная не могла нам помочь: у нее старые сведения. Не будем описывать подробно поиски пропавшей редакции: нам пришлось наводить справки в трех местах: на ул. Осипенко, 20 (где она помещалась раньше), в соответствующем почтовом отделении и в Трехречьеваздате (Хохловский п., 7), пока, наконец, мы не узнали нужных нам адрес: 3-й Автозаводский п., 13.

И вот мы в редакции. Что же мы увидели? Больше месяца она живет без телефона, только на днях получила вторую комнату, а до этого ютилась в одной. Редакция переехала внезапно в совершенно неподходящее, непригодное помещение. И это не первый случай: за послевоенные годы это пятнадцатый переезд, а скоро ожидается шестнадцатый, так как и нынешнее помещение — временное. Редакция не имеет ни курьера, ни автомашин, лишь в последние годы появилась машинистка, а то и

ее не было. Оклады сотрудников редакции почти вдвое ниже, чем в аналогичных журналах: «Техника — молодежи», «Вокруг света», «Наука и жизнь» и др.

Все это, по меньшей мере, странно. «Знание — сила» — один из старейших в нашей стране научно-популярных журналов для молодежи — пользуется заслуженной любовью читателей.

«Литературная газета» не впервые сообщает о творческих удачах. Подобные отзывы не раз появлялись и в других центральных газетах. Мы помним, как на страницах «Правды» отмечалось тридцатилетие журнала. Все советские читатели журнала испытали чувство гордости, когда узнали, что по его почину и при его помощи был создан его младший брат — китайский журнал «Знание — сила», который стал самым массовым молодежным журналом в Китае. А редакция нашего журнала «Знание — сила», оказывается, лишена самых элементарных условий для работы.

Невольно возникает вопрос: если издатель — Главное управление трудовых резервов при Совете Министров СССР — до такой степени не дорожит этим журналом, не целесообразно ли передать его в другую систему, например Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний?

Профессор И. А. ЕФРЕМОВ, профессор А. Н. СТУДТИНСКИЙ, академик К. И. СКРЫВИН, Г. П. ТУШКАН, председатель комиссии по приложенческой и научно-фантастической литературе Московского отделения Союза писателей СССР.

С НЕКОТОРЫМ ДЛАНЬ «БРАТА ВАНИ»

поры в Подмошье, а точнее в кушевских и мазиловских палестинах, появилось существо, отменное печалью «святого» духа. Над ними местными преданиями простерлась длань пастыря «брата Николая». В тенета секты «трауснов», именуемых в просторечье «божьи детьми», точно мухи, попадались работницы игольного завода, ткацко-отделочной фабрики, а также фабрики художественной галантереи.

Было отмечено, что некоторые члены духовной секты отдавались на работу, а внешний вид их, прямо скажем, вызвал беспокойство: изможденные лица, опухшие от ночных бдений очи... Верующие перестали интересоваться мирскими зрелищами вроде театров, кино или даже телевизоров. Больше того — они уклонялись от участия в социалистическом соревновании и чувствовали себя в коллективе чужаками...

Разумеется, это должно было возволновать общественные организации как на предприятиях, так и в городе. Но только после того, как одна из жительниц города М. Табогорова скончалась от приступа аппендицита, стойко отказавшись обратиться к услугам «антихристов», врачи, городские организации забили тревогу.

И было уточнено, что члены секты «трауснов», которой руководил бывший уголовник Н. Волошин, не только истязают себя за неведение грехи, усиленно готовясь к «старшему суду», но и ведут откровенную антиобщественную агитацию.

Н. Волошин, он же «брат Николай», был привлечен к судебной ответственности. А что делать с десятками обманутых людей, этих «божьи детей», как их нежно называл пастырь секты?

Когда мы задали этот вопрос местным просветителям, нам ответили без большого энтузиазма: — К чему нервничать? Это, как говорится, дела давно минувших дней, предайте старину глубокой... И с привычной ловкостью ловили: — Что делать? Перевоспитывать! Реализуя эту идею, городские просветители провели две-три актуальные лекции типа «Есть ли жизнь на Марсе?». Что же касается непосредственного воспитательного воздействия на «трауснов», то им на предприятиях отечески внушали: — А вы-я! Не краснуйте. Несовременно это... Вы бы лучше в культуру пошли, что ли...

На этом просветитель успокоился. Решили, видите, что сделать все доступное их мощным силам. А тем временем... Тем временем случилось новое происшествие. Работницу Кушевского игольного завода Галину Лактионову увезли в больницу в состоянии крайней душевной депрессии.

— В последнее время она была раздражена на весь белый свет, — рассказывали ее подруги по цеху. — Нас называли антихристами... И все уповала на спасение души, которое ей принесет какой-то святой «брат Ваня».

Итак, на смену «брату Николаю» явился «брат Ваня». И снова над замороченными людьми простерлась вышеупомянутая длань. И снова пополнились слухи о торжественных ритуалах, которые выполняются «трауснами», — от благоговейного омовения ног пастыря до изурнающих ночных радений. «Брат Ваня» заставлял свою паству по многу часам выстоять на коленях, доводить себя до иступления, а в виде благодарности приобретать для него жертвенное вино, «преломлять» хлеб насущный и другие продукты питания.

Поддерживая свою плоть даровой пищей и попивая чужое вино, па-

стыри вели душевспасительные проповеди: — Придет время — и все нечестивцы погибнут. Будет вечно жить и не работать только богам дети. Вся полнота власти и все богатства земные отойдут к праведникам...

Новый пастырь — новая тактика. Если «брат Николай» разорочивал свою деятельность до наглости откровенно, то «брат Ваня» это делал подпольно.

— Эх, — снова всплохились общественные организации, — знать бы только, каков этот таинственный «брат Ваня»... Кто он? Чтобы покончить с этим вопросом, мы можем слегка проткнуть завесу над сектой и уточнить некоторые детали, почему-то долго ускользающие от пресловенного внимания кушевских атлетов.

«Если бросить пристальный взгляд на доску почета, что приколочена к стене дорожно-мостовой конторы Кушевского горжуправления, можно среди фотографий пероделовиков увидеть квадратное лицо И. В. Сизова. Как сказано в подписи под фотографией, это один из лучших ремонтеров конторы. Вид Сизова в натуре, у рабочего места, несколько разочаровывает. Никакого касательства к дымящимся котлам с асфальтом Иван Васильевич не имеет. Он орудует своей мускулистой рукой не внушительной лопатой дорожника, а легкими канцелярскими счетами.

В конторе ван смущенно объясняет, что Сизов проведет ремонт формально — для ради премияльного поощрения. На самом деле он выполняет обязанности помощника бухгалтера.

По отзывам тех же дорожников, Иван Васильевич — форменный ангел во плоти. Не пьет, не курит, недостатков не критикует, на собраниях не выступает...

Но никто не ведает, что этот сорокапятилетний человек заурядной внешности, униженно слушающий приказ начальственных приказы, по ночам преображается в величавого и значительного «брата Ваню». Да, Тихонский учредительский счетчик и есть тот самый всевластный вылазка секты, по милости которого «божьи дети» морят себя голодом, подрывают здоровье и даже противостоят подчас общественным научникам.

Ну вот, теперь неприятели кушевские атлеты подлинно знают, кто такой «брат Ваня» и где его можно сыскать.

Но разве дело в этом? Ведь и сейчас сектанты продолжают ходить на сборища. И сейчас юроступающие «спроведники» морочат головы заблуждающимся. А кушевские общественники бессильно разводят «вечными» руками...

Они забывали, что свобода совести, гарантируемая Конституцией, вовсе не освобождает наши общественные организации от пламенной и неотомимой антирелигиозной пропаганды, особенно против таких уродливых форм религии, как сектанство. Пусть тех, кто вымывает голову «трауснов», немного. Но даже единичные факты такого рода не могут не волновать.

Длинные дела творятся на белом свете! В небесах летают рупорные спутники Земли советского производства, курсируют наши транспортные воздушные лайнеры, а в кушевских закоулках к этому же делу обращают свои молчаливые средневекные мракобесы и одурчающие ими «божьи дети».

Н. СОТНИКОВ

Рис. Е. Скакальского

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Во сне и наяву

2. Школка Грацианского

И ПОЛЕ ВИХРОВОЙ снится страшный сон. «Будет уже зима, и снежок кружится в воздухе, и она сама, Поля, забравшись на соседнюю колокольню, смотрит на свой дом в Благочестивском тупике, куда не смеет теперь вернуться под угрозой смерти. Поле страшно туда вернуться из-за солдат, притаившихся по стене у подъезда, будто их нет там, и как Поля ни напрягается, не может разгадать их намерений. Да и никто на свете не прочел бы их намерений, потому что лица у всех спрятаны под глухими железными касками, кроме офицера в крылатой фашистской фуражке, которому необходимо убить тут одного человека. Надо думать, фашисту необходимо убить именно того человека в окнах лестничной клетки, который, вот он, бесечно спускается вниз, и уже нельзя предупредить его об опасности, так как у Поля нет ни голоса крикнуть, ни сил оторвать пристыженные к камню ноги. Ни времени выбежать на улицу. Да она все равно и не успела бы выбежать на улицу, потому что человек уже выходит на улицу, и Поля узнает в нем Грацианского, и ей очень хотелось бы спасти его как видного советского профессора, несмотря на причиненное им горе, но солдаты окружат его, зарывают ружья, и вот должна состояться казнь, но тому, Грацианскому, все ничто. До такой степени все вводит Грацианскому, что он вроде подмигивает Поле, дескать, подлюбка-ка, дурилка, как я их сейчас. Он подмигивает показав солдатам что-то.

Анатолий СОФРОНОВ

спрятанное в ладони, и внезапно крапан расступается, а офицер кричит Грацианскому, который уходит по своим текущим делам. Но Поле интересно, по каким текущим делам он уходит, и она крадется следом за ним, из улицы в улицу, и вдруг ее окликает сади, а Поля догадывается, что все это было продумано лишь за то, чтобы выманить ее, Полю, с колокольни, и вот уж все стоят кругом нее, и Грацианский вместе с ними, и значит, это конец.

Я думаю, что читатель уже догадался, что Поля — дочь профессора-лесовода Ивана Матвеевича Вихрова, героя романа Леонида Леонова «Русский лес». В военную осень 1941 года появилась Поля в Москве, при сложных обстоятельствах и не менее сложных отношениях со своим отцом. Читатель, видимо, обратил внимание также и на то, что Поля во сне, несмотря на причиненное ей горе, все-таки хотела спасти профессора Грацианского. Какое же горе причинил ей Грацианский? Где он переходит в действительность — в сон? Обращается снова к роману:

«Никто не помнил, с чего началась эта поучительная, оставшаяся неосознанной для широких советских кругов, распри Вихрова с Грацианским, но с годами лесная обществу в еноость (разрядка наша. — А. С.) как-то привыкла жадать после каждой крупной работы первого не менее основательной по силе удара, даже с преимуществом безнаказанной страсти, статьи второго, настолько привыкла, что обычно рецензии на оче-

реднюю книгу Ивана Матвеевича не появлялись в специальной прессе, пока не высказался о ней сам Александр Яковлевич, в шутливых кулуарных разговорах это так и называлось — а колокольня Ивана у шапелы».

Можно было бы несколько забежать вперед и сказать о том, что явления подобного рода были свойственны и нашей литературной среде, когда стараниями грацианским не раз «накалывали из иванов щепы», но вернемся снова к лесоводу и установим, что Вихров и Грацианский на всю жизнь были вместе прикованы к одной такте лесоводства; причем один из них — Вихров — тащил эту такту, а второй — Грацианский — не столько ее тащил, сколько комментировал затраты труда, производимые Вихровым в лесоводстве; и в комментариях этих неизменно присутствовала лошадиная доза злобной, недоброежелательной критики.

Изучая характер Грацианского, мы постепенно узнаем, что в его статьях, посвященных работам Вихрова, несомненно налицо «развешенный сарказм», все же было маловато сказано о самом Лесе, и статьи его увеличивались «из без того запутанную лесную неразбериху». Обвинения, постоянно предъявляемые Грацианским Вихрову, сходились в общем на одном вопросе: Грацианский громял Вихрова за его многолетние попытки лимитировать лесное социалистическое строительство, а попросту говоря — за попытки Вихрова планировать расход и приход леса, что, собственно, и должно быть в социалистической стране.

Вихров стойчески выдерживал многократные артиллерийские штурмы с критических бастионов Грацианского, но, скажем прямо, не без потерь...

«...Очередной провал, естест-

венно, настораживал вихровских единомышленников, отсекая у него часть колеблющихся друзей и учеников, раскиданных по всем лесам Союза, и самого Вихрова заставлял паразитизм еще раз, правильно ли выбрал себе профессию...»

Леонов выпукло рисует и внешний портрет Грацианского, видна, достаточно рассмотревшись на таких особей в нашей литературной среде, простите, лесоводческой среде.

«У него было продолговатое, аскетическое худое, овальное неприкрытым величием и не без оттенка надменной гордости, лицо с матовым цветом кожи и с небрежной, чуть седую трюху трюху; как бы ветерком вдохновенно вздыбленные волосы его были умеренно длинны, и слегка мерцающие тени лежали во впадинах под высоким лбом. Все это придавало ему образцово-показательную внешность стойкого борца за нечто в высшей степени благородное...» Прибавим еще и то, что Грацианский словно бы находился в постоянно болезненном состоянии, имел всего 63,5 процента гемоглобина и не употреблял алкоголя — из-за того, что болел какой-то такой таинственной болезнью, из одного названия которой можно было заключить, что она дается лишь избранным за чрезмерное излечение интеллектуальных сил.

После опубликования романа «Русский лес» в журнале «Знание» в Союзе писателей вспыхнули острые страстные дискуссии, время которых почему-то особенно критическим нападкам подверглись образы Александра Яковлевича Грацианского и его сподручных Андрейчика, Ейчика и просто Чика. В качестве дымовой завесы противники романа вытаскивали на свет бошаль еще и какие-то старые, обветшалые лесные теории...

После устных дискуссий в Союзе писателей появилось несколько статей, в большинстве которых тщательно обходился

образы Грацианского и его учеников, словно бы критика романа узрели в них нечто близкое себе и, не будучи расположенны к самокритике, решили миновать эти выбли для их восприятия образы. Все свое внимание они уделили ясыному образу Ивана Матвеевича Вихрова.

Но читавшиеся снова и снова в главы леоновского романа, мы все же не могли не обратиться внимания на то, что образ Александра Яковлевича Грацианского относится, собственно, не только и не столько к лесному обществу, а является типом значительно более распространенным, и я бы сказал, имеющим прямое, более того, самое близкое отношение к литературе, уже не только как тип литературный, но и как лицо, существующее в литературной среде, деятельность которого родственна некоторым подвижникам от литературы, как и Грацианский, замышлявший в свое время создание многогомяных трудов, но дальше небольших различных статей в адрес непримлемых для них по стилю и идеологии писателей не пошедшим и утверждающим себя в литературной критике поддержки сомнительных по чистоплотности и идейной направленности произведений. Поддерживая друг друга, они... Впрочем, мы уже так далеко ушли от лесной тематики, что мне снова хотелось бы вернуться к созданному Леоновым образу и рассмотрению существа этого образа.

Конечно, и в статьях подруги-меаевых критиков, при всей их зловерной сердцевине, всегда была соответствующая оболочка, составленная из клятвенных заверений любви и родные и народу, любви к России... Грешил любовью к России и Александр Яковлевич Грацианский. Но какова была она, эта любовь?

«Грацианский, возможно, и любил Россию, только без радостного озарения, без молчаливой готовности проститься с жизнью ради нее, как это свойственно тем,

кто создает повседневные ценности и славу своего Отечества. Грацианский любил ее как не-обыкновенную прелесть экзотическую тему, зародившуюся в распадные годы его совершенствования — с вихровыми тройками, прославляемыми впоследствии на папирсных коробках для интуристов, с уютными ситуациями при виде взоргов — хотя знавая русское монаха лишь по беллетристике, — с разбосными повистами на мглистых безветренных рассветах, как это предстало из барской квартиры на Сергиевской, — с кандалиями на песенной Владимирке, которых смертно побоялся, — со всеми теми затейными рисунками за занавеску, за которой прожигали и мучились обыкновенными царскими расстрелянными безоружными толп, с обыкновенной мурдовкой на рабочем столе, с обыкновенными недородами, холерой и нищетой...»

Как видите, это была довольно своеобразная любовь. Мы встречались с ней не только среди лесоводов. Вспомним наших отечественных декадентов в их полупрозрачных, полустерильном монологе — стихами и прозой, рассыпанным в десятках дореволюционных изданий. Но пришла, свершилась революция. Надолго захотел видеть Россию другой. С первых дней установления Советской власти он принял за строительство новой жизни. Но лично Грацианского такой поворот не очень устраивал. «Бессознательно он даже хотел бы проделания той трагической обстановки и разрухи и поражения, потому что благодаря этому отодвинулись сроки его неминуемого, самоубийственного разочарования... Его начинали раздражать прикосновения кренушей народной правды, потому что рядом с нею резко проступала его социальная и нравственная неполноценность».

Каждый организм старается подольше сохранить удобную

для него жизненную среду, по мере своих сил приспособляясь к ней, вечнояни стараясь укрепить ее. Организмы, близкие друг другу по структуре, кроме всего, еще пытаются изменить и среду, если она каким-либо образом начинает складываться не в их пользу.

Как клеб, присовавшись к Вихрову, Грацианский, с тоской выходя на меняющуюся и крешущую, несмотря на суровые испытания, Россию, как мог, пытался удержать ее на старых позициях. Делать он мог это только одним путем: сознательно или бессознательно выводить из строя очень полезного для отечественной науки человека, каким был Иван Матвеевич Вихров.

Несколько лет назад, разговаривая с Л. М. Леоновым по поводу появившейся в печати очередной злободневной статьи, направленной в его адрес, я сказал:

«Не обращайте внимания, Леонид Максимович, на дело! «недобродетелей» на свете!»

«Да я уже, собственно, и не обращаю внимания», — ответил мне Леонов. «У меня этих рецензий около двух килограммов хранится».

«На этой ли «жизненной основе», не на горьком ли опыте автора «Русского леса» рождается фраза Грацианского, обращенная к Вихрову: «...я и раньше подозревал за тобой, что не любишь ты рубанку по живому мису, сладенькое обожать, критику с широчем...»

Ведь известно же, что «при обцеприванной хлостности сложения» Александру Яковлевичу удалось свалить такого голцафа, каким был ученый-лесовод Туляков, которого Грацианский в свое время «попнтнивал вад-перед по сусалам за устаревшие лесоводственные теории».

Да, уж если идти дальше и раскрыть самую основную личность Грацианского, то мы увидим, что Александр Яковлевич не только, так сказать, на сущность вихров-

Константин ВАНШЕНКИН

ПО СРАВНЕНИЮ со многими братскими литературами якутская литература еще молода...

Якутский поэт Иван Гоголев, обращаясь к великим поэтам прошлого, говорит: О, Гени! Ваш не угас Бессмертный славы свет...

Большая требовательность к себе, огромная любовь к родной земле и ее людям, желание создать художественные картины, достойные своего народа...

Чрезвычайно широки тематические пристрастия якутских поэтов. Со страниц их книг встают полноправная жизнь...

Просто? И вместе с тем образно, непосредственно. Чувствуешь, какой долгой была якутская зима...

Так же прост и волнущий образ Лены — могучей реки, образ, проходящий через сердце и стихи буквально всех якутских поэтов...

Поэзия Якутии своеобразна. Неожиданно, например, и поэзия Якутии своеобразна.

ЧЕСТОВАНИЕ А. ГОЛОВКО

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ Украины отметила 60-летие писателя Андрея Васильевича Головка — одного из зачинателей украинской советской литературы.

В связи с 60-летием А. Головка в Академии наук Украинской ССР состоялся вечер, организованный Союзом писателей Украины и Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР.

Вот ведь, оказывается, какие вопросы лесоводства затронуты в «Русском лесу»! Они значительно шире, чем представляются некоторым деятелям нашей литературы...

Вот ведь, оказывается, какие вопросы лесоводства затронуты в «Русском лесу»! Они значительно шире, чем представляются некоторым деятелям нашей литературы...

Основное качество и основная заслуга якутской поэзии, как и всякой другой настоящей поэзии, заключается в том, что она по-настоящему живет жизнью своей Родины и народа...

Собственные же интересы якутской поэзии выходят далеко за границы республики, ведь весь Советский Союз для якутских поэтов тоже свое, личное, кровное.

С огромной теплотой пишут поэты Якутии о дружбе якутского и русского народов, завязавшейся давным-давно, а после Октября ставшей еще более прочной.

Влияние русской культуры, братскую помощь русской культуры и языка к любовию отмечают многие поэты Якутии.

Наш язык — язык труда и света, Он широк и ясен, и велик. Слушает с волнением планета Ленина великого языка.

Есть, конечно, у якутских поэтов и непреодоленные пока слабости — некоторые стихи грешат описательностью, не очень интересны баяны, меньше, чем короткие стихи, удаются, а порой и просто не удаются большие поэмы.

Увидел тебя я — и сердце забилось, и щеки горят, и обилие милой без памяти рад.

Я верю в прекрасное завтра: Якутов земля расцветет, И эта вот песня простая, Суровые годы листья, До верных потомков дойдет.

Да, это свершилось. Расцветала якутская земля и культура Якутии. И нет сомнения, что ее будущее будет ознаменовано еще более ярким цветением.

Фильм этот то переносит нас на сорок лет назад, то снова возвращает к сегодняшним дням. То вы оказываетесь в Албании или на Крайнем Севере, то где-нибудь во Вьетнаме.

Фильм этот — живой и страстный документ. Его снимали тридцать пять операторов из тринадцати социалистических стран.

«Выстрел «Авроры» по Зимнему дворцу. Капиталистический мир дрогнул. Завязался зоркий Октябрьский революционный кинокадр.

А день все лучезарней, краше. Тайга, луга цветут, как сад. Вот так, наверно, предки наши Братались триста лет назад.

Всегда вошли без перевода Русские советские слова В речь и душу каждого народа На правах духовного родства.

Я ко всем наукам ключ имею, И со всей вселенной знаком — Это потому, что я владею Русским всеохватным языком...

Есть, конечно, у якутских поэтов и непреодоленные пока слабости — некоторые стихи грешат описательностью, не очень интересны баяны, меньше, чем короткие стихи, удаются, а порой и просто не удаются большие поэмы.

Увидел тебя я — и сердце забилось, и щеки горят, и обилие милой без памяти рад.

Я верю в прекрасное завтра: Якутов земля расцветет, И эта вот песня простая, Суровые годы листья, До верных потомков дойдет.

Да, это свершилось. Расцветала якутская земля и культура Якутии. И нет сомнения, что ее будущее будет ознаменовано еще более ярким цветением.

Кадр из фильма «Свет Октября»

Фильм этот то переносит нас на сорок лет назад, то снова возвращает к сегодняшним дням. То вы оказываетесь в Албании или на Крайнем Севере, то где-нибудь во Вьетнаме.

ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С ГЕРОЕМ ЭТОГО РАССКАЗА

Приехавший из Москвы в один из районных центров скужающий молодой человек решил устроить предвечерний вечер.

На улице стоял туман. Тут наш герой проявил незаурядную тонкость восприятия, поверив случайной спутнице, что «туман поет».

Итак, скужающий герой, переполненный сознанием своего столичного величия, гуляет в провинциальном городке, чутко внемля певучему туману и поэтичному перезову капель.

Очарованному этой красотой герою захотелось «рассказать ей то же что-нибудь красивое».

Склонности автора к сентенциям неожиданно добавляет к изысканному описанию и мудрые итоги житейского опыта: «Темнота мешала разобрать выражение ее глаз».

ПОСМОТРИТЕ ЭТОТ ФИЛЬМ!

Фильм рассказывает о том, как гитлеровцы напали на нашу страну и как позорно окончилась для них затеянная ими война.

И вот они, идеи социализма, воплощенные в действительность. Они зрими, осязаемы. Советский Союз, Китай и Чехословакия, Польша и Корейская Народно-Демократическая Республика, Албания и Демократическая Республика Вьетнам.

Да, она обеспечена, и обеспечена в первую очередь гигантской борьбой трудящихся нашей страны за счастье всех простых людей.

Мировая реакция делала все, чтобы задержать революционную поступь народов. В Германии убили коммунистов. В Китае расстреливали коммунистов.

«Ой, не надо, — она мягко отодвинулась. Я так и ожидал, что сперва она отстранится. Моя рука все еще лежала на ее плече, я мог пригнать Лауму к себе и быстро поцеловать. Ни одна женщина всевозв не обидится за это».

Из семи страниц этого рассказа уже прочитано четыре. Обрисованы герои: «он» и «она». Намечен конфликт. Что же дальше?

«Вы так и не поженились, — сказала Лаума. — Хотите, поженимся со мной. Правда, у меня ничего такого нет, но лучше, чем голым жить».

«Туман рассеивался. Нити телеграфных проводов подблескивали наверху, как пряди мокрых волос. Когда капля срывалась с них, я слышал, как они долго и тихо звенели. И мне казалось, что это еще поет».

«Туман рассеивался. Нити телеграфных проводов подблескивали наверху, как пряди мокрых волос. Когда капля срывалась с них, я слышал, как они долго и тихо звенели. И мне казалось, что это еще поет».

Фильм рассказывает о том, как гитлеровцы напали на нашу страну и как позорно окончилась для них затеянная ими война.

И вот они, идеи социализма, воплощенные в действительность. Они зрими, осязаемы. Советский Союз, Китай и Чехословакия, Польша и Корейская Народно-Демократическая Республика, Албания и Демократическая Республика Вьетнам.

Да, она обеспечена, и обеспечена в первую очередь гигантской борьбой трудящихся нашей страны за счастье всех простых людей.

Мировая реакция делала все, чтобы задержать революционную поступь народов. В Германии убили коммунистов. В Китае расстреливали коммунистов.

«Ой, не надо, — она мягко отодвинулась. Я так и ожидал, что сперва она отстранится. Моя рука все еще лежала на ее плече, я мог пригнать Лауму к себе и быстро поцеловать. Ни одна женщина всевозв не обидится за это».

Из семи страниц этого рассказа уже прочитано четыре. Обрисованы герои: «он» и «она». Намечен конфликт. Что же дальше?

«Вы так и не поженились, — сказала Лаума. — Хотите, поженимся со мной. Правда, у меня ничего такого нет, но лучше, чем голым жить».

«Туман рассеивался. Нити телеграфных проводов подблескивали наверху, как пряди мокрых волос. Когда капля срывалась с них, я слышал, как они долго и тихо звенели. И мне казалось, что это еще поет».

«Туман рассеивался. Нити телеграфных проводов подблескивали наверху, как пряди мокрых волос. Когда капля срывалась с них, я слышал, как они долго и тихо звенели. И мне казалось, что это еще поет».

И сегодня, когда вновь с такой силой продвигаются вперед единство стран социалистического лагеря в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, когда идеи мира, провозглашенные в октябре 1917 года, вылились сейчас в мощный Манчестер мира, принятый делегациями коммунистических и рабочих партий более чем 60 стран, — с особенной ясностью понимаешь, что означает для человечества свет Октября и с какой быстротой он распространяется.

От выстрела «Авроры» до наших дней прошло всего сорок лет. От осады Зимнего дворца до запуска наших искусственных спутников — всего сорок лет. От первых отрядов Красной Гвардии до могучей силы миллиарда людей, строящих социализм, — всего сорок лет.

Будет очень хорошо, если подобный опыт создания коллективного фильма повторится еще не раз. Можно было бы, например, показать индустриальный размах социалистических стран, их сельское хозяйство, быт, науку, учебу, их дружбу, которая становится все теснее и приобретает характер личной дружбы многих тысяч людей.

Вот ради чего рассказана эта поучительная история! Читатели, знакомые с этими «красивыми» переживаниями, описанием ресторанный блеска и прочих «взысканий» словесами, могут вспомнить, конечно, провалевшиеся в дамском журнале «Побуждение», издававшегося в до-революционное время. Могу вспомнить и второстепенные декадентско-мещанские издания периода 1907—1917 гг., когда подобного рода «красивости» и якобы тонкие «переживания» опустошенных и циничных пошляков вываливались за подлинную литературу с серьезными проблемами.

Кто же в 1957 году возобновил эту весьма скверную традицию? Где нелепачен этот, столь типичный для «Побуждения» рассказчик с характерными претенциозным заглавием: «Певучий туман»?

Оказывается, написал этот декадентский опус писатель Д. Грання, недавно «отличившийся» рассказом «Собственное мнение», а опубликовал его «Ленинградский альманах» в своем ноябрьском номере, специально посвященном сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Так сказать, в подарок!

ЛИТЕРАТУРА

СЕРГЕЙ МИХАЛИКОВ ДА ОБРЫЕ СОВЕТЫ БАСНЯ

У Прова Кузьмича на ферме заболели Шесть племенных молочных поросят. Два — почему-то дышат еле-еле, А четверо — все время воют.

А через сутки — пятый околеет. Пров снова вполыхал туда же за советом: «Петрович! Я пропал! Как хочешь: вырвать!»

«Сказал, как отрубил! Вот человек умен! А кто из нас дружок не доверит?» Пров свинку стал поить водку кипяченой.

«Ну, как твои дела? — спросил сосед у Прова. — Здорова хрюхит-то?» — «Какое там здоровы! Ответил грустным Провом: — Уж их в помине нет!»

«Сказал, как отрубил! Вот человек умен! А кто из нас дружок не доверит?» Пров свинку стал поить водку кипяченой.

«Ну, как твои дела? — спросил сосед у Прова. — Здорова хрюхит-то?» — «Какое там здоровы! Ответил грустным Провом: — Уж их в помине нет!»

«КУЛЬТУРНАЯ ПОЗОЛОТА» НАТО

В СУББОТУ 23-го и в воскресенье 24 ноября 1957 года в Амстердам был превращен в место заседаний некой высокой организации. Триста представителей стран НАТО собрались здесь, чтобы создать «финансовый фонд» для укрепления европейской культуры и науки.

Даже по словам реакционной газеты «Фольксвант» в этом событии участвовали «премиальные промышленные магнаты, директора банков, видные деятели культуры и кое-какие могущественные политические фигуры».

Инициатором этого высокого исторического деяния был не кто иной, как голландский принц-консорт Бернард.

Среди актеров, присутствовавших при рождении новой организации, были также «могущественные политические фигуры», как, например, Конрад Аденауэр, званый НАТО Поль-Анри Спаак, бывший французский премьер-министр небезызвестный Робер Шуман.

Кто в данном случае представлял культуру, остается неясным. Едва ли можно, например, считать представителем голландской культуры голландского министра просвещения и науки, который, когда в государственной молне останется немного денег, выдает, между прочим, «поощрения» писателям и художникам, разумеется, если они являются бравами реакционерами.

Короче говоря, для зоркого наблюдателя это была та же сессия НАТО, но только без людей в военной форме.

С какой же целью обратился принц Бернард к тремстам высокопоставленным европейским деятелям, представителям стран НАТО, пожелавшим участвовать в создании благородной культурной организации?

«Мы все знаем, что европейское единство является важнейшим условием для существования свободных и независимых стран. В этом единстве наша сила. Наши свободные страны уже поняли это, вступив в тесное сотрудничество на военном поприще. Как раз в последние месяцы были предприняты еще другие важные шаги, чтобы обеспечить также и экономическое единство».

Те, кто научился читать между строк, легко заметят, что наш принц-консорт сразу же проговорился, выдав истинные цели организации. Теперь «мы все знаем», что «Европейский фонд культуры» будет служить лишь позолотой крышей над тем базаром беззаконий, который носит название «Европы НАТО».

Немало красивых зарпечений было наклеено различными ораторами на эту золотую крышу; но когда выступил папаша Аденауэр и выкрикнул свое: «Европа, объединяйся!» (наш принц-консорт называл это «блестящим примером для всех»), стало ясно, что все эти изречения и лозунги можно свести к одному: «За новую Европу».

А это, дорогой читатель, лозунг отнюдь не новый; к несчастью, это только вариант старого и весьма непопулярного лозунга — «За новый порядок в Европе».

Да, это была весьма устаревшая, но все еще опасная тема, на которую снова и снова изощрился на этом собрании ораторы и в особенности принц-консорт. Он устрашающим образом конглобирал идеи Европы, той самой неведомой и ужасной идеи, которую Гитлер использовал как повод для войны, а потом, в 1945 году, поплатился за свои преступления.

Этот тем более позорно, что специально

ТОИН ДЕ ФРИЗ, голландский писатель

ди слушающих принца было немало немецких военных преступников (как осужденных Нюрнбергским трибуналом, так и не осужденных). Несмотря на зверства, совершенные ими против народов Украины, Югославии и Голландии, они благодаря своим высоким постам в Бонне были приглашены в Амстердам. Разумеется, эти знатные господа горячо аплодировали идее «единой европейской культуры»: старые ширковые лошади узнали звуки прежних труб. Но что сказать о бельгийцах, французах, итальянцах, также аплодировавших этой идее Европы, не говоря уже о бурном восторге всех вместе взятых голландских монополий, которые так тесно связаны с американским, британским и германским капиталом. Они аплодировали, и это не оставляет уже никаких сомнений относительно смысла всего предприятия.

Уж если люди, которые изо дня в день проповедуют применение военной силы против социализма, проводят бессовестную политику в узких интересах своего рода и племени, если эти люди начинают говорить о культуре и проповедовать превосходство «духа над материей», значит, дела у них в Западной Европе обстоят не совсем благополучно.

Постепенно стало ясно, что, говоря о культуре, триста европейских деятелей имели в виду нечто другое.

Они были вынуждены говорить о цивилизации и красотах духа потому, что старые лозунги, вроде подготовки войны и жесткой политики, начинают вызывать у людей искреннее отвращение, особенно с тех пор, как вокруг нашей старой планеты кружат две волшебные звездочки, отправленные с советской территории.

Представители «цвета Европы», по видимому, также сделали некоторые выводы в связи с советскими спутниками... но только в неверном направлении.

Они не говорили о настоящей культуре, то есть о мировой культуре, охватывающей все народы и дающей духовное удовлетворение каждому гражданину мира. Ибо по отношению к культуре все мы уже сейчас дети одного мира: голландская школа живописи, русская литература, архитектура Италии, индийская философия, немецкая музыка, китайская поэзия принадлежат всем. Что же такое эта особая «западноевропейская» культура промышленных магнатов и банковских директоров?

Основанный ими фонд получил брешение в Амстердаме, но его торговая марка явно связывает его с самыми ревностными американскими и германскими поджигателями войны.

Западноевропейская культура, по их идее, — это культура за решеткой. Народы Западной Европы, запертые в тюрьму крупных военных и экономических блоков, будут теперь еще заключены в лабиринт культурных ограничений, точно совпадающий с этой военно-экономической территорией. Все, что вне этих границ, считается чужим, иностранным, приналежащим к враждебному лагерю, со всем этим надо бороться. Следуя этому, «мы» должны защищать полотно Рембрандта в Амстердаме и в Вене, но в то же время стараться уничтожить его картины, находящиеся в Ленинграде и Дрездене, при помощи ракетных снарядов.

Вот вам вся чудовищность, которую

ренное извращение культуры, весь обман этого общеправительского предприятия! Оно построено на предположении, что и человеческую цивилизацию можно также разделить на враждебные блоки!

Некоторые буржуазные газеты писали, что в характере общества наблюдается некоторая «неопределенность».

Так ли это? НАТО переживает кризис. В этом все дело. Военное и финансовое принуждение, при помощи которого народы Западной Европы прикованы друг к другу, начинают трещать. Поэтому возникла потребность в новом лозунге, в создании новых форм системы принуждения.

Сказки об «агрессии русских» больше не находят ушей, потому что каждый понимает, что если бы Советский Союз и его партнеры хотели уничтожить западный мир, они могли бы сделать это в очень короткий срок. Но совершенно очевидно, что они не хотят этого. Итак, остался только один план: попробовать применить для склейки НАТО «культуру», воспользоваться помазком «европейской цивилизации» в надежде, что таким путем удастся замазать трещины, починить, слепить воедино то, что уже не поддается никакой починке.

Что же тут неопределенного? Все ясно.

Разумеется, есть выход из кризиса, который начинает ощущаться в Западной Европе. Существуют средства для предотвращения банкротства наших материальных и культурных ценностей. Но, избрав этот путь, тоже нельзя терять времени.

Этот путь называется: мирное сосуществование.

Свыше шестидесяти коммунистических и рабочих партий мира обратились с Манифестом мира ко всем народам, ко всем людям доброй воли. Это призыв к сердцам и к разуму спасти нашу цивилизацию, создать действительное единство людей, отменить ужасные орудия массового уничтожения; призыв к единству во всем нашем земном существовании, к единству на основе мира во всем мире, к единству новой исторической эпохи, которая называется: спасение человечества путем взаимного понимания.

Культура значит мир, так же как мир означает культуру.

Пусть же «Европейский фонд культуры», вопреки нашим мрачным предположениям и нашей критике, докажет, что его действительной целью является сохранение культуры во всем мире, а не только на пространстве между Рио и Лондоном, пусть он честно и творчески ответит на Манифест.

Пусть он не окажется продолжением или новой личной старых военных заговоров. Пусть он употребит свои миллионы — ведь говорилось, что организацию финансировали самые богатые люди Западной Европы, — на поднятие культурного уровня масс; пусть построит новые университеты, библиотеки, школы, художественные академии, больницы, в которых мы так нуждаемся. Пусть отбросит свои идеи смехотворной малельной «Европы», которую якобы надо защищать, и начнет мыслить общечеловеческими понятиями...

Дело в том, что мы уже расстались с иллюзиями, связанными с словесными изъяснениями любви со стороны «цвета европейского общества» по адресу цивилизации; единственно, что может найти у нас отклик, — это цивилизованные действия.

АМСТЕРДАМ, ноябрь.

«Вести-то пустили, да колокола не отделили»

В ОДНОМ из последних номеров американского журнала «Тайм» помещена выразительная карикатура. Она состоит из ряда картинок.

На одной — изображен приунывший дядя Сэм, охваченный «спутниковой эпохой». У ног его валяется листок с лаконичной надписью: «Престиж США». На другой — дядя Сэм сидит в той же позе; для его увеселения приехал оркестр, которым дирижирует президент. На музыкальных инструментах написано: «Эйзенхауэровские речи», «Радужные новости об американских управленческих снарядках». В окне видно, как советский искусственный спутник Земли по-прежнему продолжает свой полет. «Улыбнись, заклинаю, улыбнись!» — гласит надпись под карикатурой.

Однако мир знает ком комичность попытки развеять дядю Сэма. Если ему пришлось улыбнуться, то все же горькой улыбкой. Американский искусственный спутник Земли «Авангард», запуск которого был широко разрекламирован, взорвался на полигоне в Кейп-Канаверале.

А ведь только накануне представитель министерства обороны США, ведущий работы над ракетными снарядами, Холдей Бахалилис: «...сейчас у нас имеются такие средства, которые вполне в состоянии запустить большие спутники, и мы сможем запустить эти спутники, когда захотим».

Сейчас Холдей вызван в сенатскую подкомиссию по вопросу боевой готовности для дачи показаний. Бедный Холдей! Ему, кажется, предстоит выступить в роли «козла отпущения».

Как сообщает агентство Юнайтед Пресс, «ракетные специалисты начали утомительную «работу детективов» с целью выяснить причину неудачи попытки запустить американский спутник».

Не смеялась не удача: самая крупная капиталистическая держава не в состоянии тагаться с великой страной социализма.

Взрывная волна распространилась гораздо дальше, чем это могли предвидеть в Вашингтоне, и еще более подорвала и без того шаткие устои капиталистического общества. Она вызвала серьезную встряску в умах тех, кто верил миру о несоединяемом превосходстве Соединенных Штатов.

«Вести-то пустили, да колокола не отделили». Эта меткая русская поговорка как нельзя лучше передает суть истории с запуском американского спутника.

Темой очерков Ген избирает личную, семей и у ю жизнь людей. Ну что ж, во внимании автора к быту людей своей книги нет ничего зазорного. Духовный облик советского человека, его мысли и чувства в нас, мыслях и в поведении и в будничной обстановке.

Но, равнодушный к по

На чью мельницу?..

З АРУБЕЖНОМУ гостю посетившему Москву, попал в руки отрывок «В Ясной Поляне» из последней части трилогии К. Федина. Отрывок ему не понравился. «Федин слишком много умеет!» — жалуетса он, «Русский лес» Л. Леонова тоже вызывает у гостя раздражение: Леонов о лесах, Федин о лесах. Ох, нехорошо! Бывают минуты, когда слишком усердно внимаешь к природе выглядит так, как будто писатель отворачивается от человека».

Нет, это не недоразумение. Это глупая взятая нами один из многих анекдотических примеров, какими изобилует книга путевых очерков о СССР польского писателя Юзефа Гена «Скромный парень в гареме».

Юзеф Ген, представляющийся читателю как «писатель», журналист, корреспондент и, черт знает что еще, посетил нашу страну в прошлом году. Его очерки, написанные, как это явствует из короткого предисловия на суперобложке книги, «с потрясающей непосредственностью и знанием дела», выпущило недавно варшавское издательство «Искры».

Нет, вопреки заверениям издателей, афиширующих свою продукцию, в книге Юзефа Гена мы видим скорее потрясающую недобросовестность и невежество, а сам автор напоминает тех «проницательных визитеров», о которых писал А. М. Горький еще 30 лет назад: «...так как история воспитала в людях способность и делать и видеть дурное с большим усердием и удовольствием, чем хорошее, — вполне естественно, что г.г. визитеры любят подчеркнуть «ошибки» и «недостатки» советской власти, подчеркнуть «некультурность» русских и, вообще, адские их пороки».

В Советском Союзе Гену не понравилось многое: телевизоры («Телевидение — это несчастье современной жизни, оно деморализует людей, превращает их в лентяев»), эскадроны московского метро, прием, оказанный ему самарскими писателями, обслуживавшие «Интурист». Не понравилось ему даже то, что родители любят покупать детям игрушки и что многие из тех людей, с кем ему довелось встречаться, пишут «какие-то работы: дипломные, кандидатские, докторские». Фаруки московских носильщиков и дворников вызывают у него ироническую улыбку. А рабочие комбинезоны, в которые были одеты двое инженеров из Донбасса, настолько покорили утонченный вкус Гена, что у него пропало желание знакомиться с этими «тишамми».

Но дело даже не в этих частных «наблюдениях», раздражающего визитера, которые ему, видимо, представляются верхом журналистской проницательности. Автор не хочет ограничиваться им — он претендует на большее: на обобщающий рассказ о советской жизни.

Темой очерков Ген избирает личную, семей и у ю жизнь людей. Ну что ж, во внимании автора к быту людей своей книги нет ничего зазорного. Духовный облик советского человека, его мысли и чувства в нас, мыслях и в поведении и в будничной обстановке.

Но, равнодушный к по

добным проблемам, Юзеф Ген желает уподобиться тем злобствующим клеветникам с Запада, для которых интимная жизнь людей — последняя отдушина, где можно лгать и хулить все угодно, не рискуя быть немедленно пойманным за руку своим читателем. И вот, г.г. визитеры, прикидываясь «доброрядочными людьми», входят в дома советских граждан, любезно принимают от хозяев хлеб-соло только затем, чтобы вынохать повод для очередной сенсации.

Вот, к примеру, одно из «обобщений» Юзефа Гена. В Варшавском институте инженерно-доцентури, который почему-то представлен в книге под именем «Юркия». Над «Юркиным» домом висит новый, большой, во всю стену ковер. Глядя на этот ковер, Ю. Ген, как это ни странно, приходит к парадоксальному выводу: только бедность заставляет советских людей покупать дорогие и красивые вещи. «Приобретение нужных вещей», — рассуждает он, — не доставляет полного удовлетворения. Только трата денег на бесполезные предметы создает иллюзию достатка...»

И в дальнейшем Юзеф Ген остается верен себе. С необыкновенной легкостью, не утруждая себя ни конкретными доказательствами, ни логикой, разрабатывает он по страницам своей книги скоропалительные выводы, сенсационные заключения, и в каждом из них — откровенная, длинная ложь.

В погоне за сенсацией Юзеф Ген не гнушается самыми низкопробными приемами бульварной прессы. Сколько они облезательны для автора, говорит само название книги. «Скромный парень в гареме» — так озаглавлен один из очерков, в котором Ген, именующий себя «скромным парнем», совершает экскурс в историю Бухары, рассказывает, о гареме последнего бухарского эмира. Глубинный исторический анализ этот очерк не отличается, а смакование откровенных подробностей и деталей накладывается на него отнюдь не случайно. Но заголовок очерка настолько привлек автора, что он сделал его названием всей книги, решив столь нехитрым способом привлечь внимание читателя.

Казалось бы, путешествие по Средней Азии и Закавказью могло дать автору богатый и интересный материал для рассказа о том, какие перемены произошли в жизни советских республик в последние годы. Но это мало привлекает «писателя», журналиста корреспондента и черт знает кого еще. Его отдельные объективные наблюдения тонут в обилии тенденциозно подобранных фактов, ложных заключений, обывательских мудрствований. О жизни узбеков, таджиков, грузин Юзеф Ген отзывается, как правило, по-барски пренебрежительно. Подобно гостю, который держит камень за пазухой, входит Юзеф Ген в дома писателей, председателей колхозов, учителей, рабочих, стараясь каждого встреченного человека представить огульным, изобразить в карикатурном виде. Полупуть он делает ряд открытий, вызывающих, по меньшей мере, недоумение. Например, выясняется, что издание на узбекском языке «Бойца и мира» невозможно... из-за отсутствия переводчиков (и сведены Гена в последние годы эпопея Л. Толстого трижды издавалась в Ташкенте).

Немало место занимает в книге рассуждения о творчестве писателя и литератора. Верный себе, Юзеф Ген и здесь отталкивается от встреченных частных разговоров с людьми, правда, «забывая» при этом упомянуть фамилии своих собеседников и, за редким исключением, называя лишь их имена. Писатели, с которыми он встречается, оказываются авторами схематичных повестей и драм. Их убеждали и

убеждают в том, что «задача литературы — иллюстрация». Им приказывали и приказывают подражать одному установленному образу. Трудно найти более яркий пример такого беспредельного невежества в элементарных вопросах. С аллобом повстрял клеветнические утверждения зарубежных хулиганов советской литературы. Юзеф Ген сознательно извращает суть нашего искусства, которое служит народу и плетется его жизнью.

Нет, для того, чтобы подобные измышления и мудрствования выдавать за действительность, чтобы с откровенным цинизмом отрицать всем очевидные факты, чтобы из окон тесной коммуналки от квартиры каких-либо действительно немало в наших городах, не увидеть целых кварталов новых домов, — недостаточно быть просто обывателем. Для этого надо быть еще человеком вредным.

Злоупотребляя книгой Юзефа Гена дезориентирует польского читателя, она на руку только тем, кому не дорога польско-советская дружба. В этом убеждает нас и ничем не обоснованные нападки автора на издателя польской литературы в СССР.

«Отношение к современной польской литературе», — утверждает он, — было после войны чисто улиточным. Всем произведениям современной польской литературы, переведенным на русский язык, Юзеф Ген дает уничижительную оценку, заимствуя свои эпитеты и сравнения из лексикона некоторых польских нигилистов. Особое недовольство автора вызывает книги, посвященные теме польско-советской дружбы. И, конечно же, автор даже не упоминает, что за 12 послевоенных лет в СССР изданы только на русском языке, только отдельными изданиями произведения 49 современных польских писателей, в том числе М. Домбровской, К. Брандыса, И. Неверли, Л. Кручовского, В. Броневского, Ю. Тувиима и других.

Очевидно, сам Юзеф Ген чувствует, что страницы своей книги он чересчур усердно вымарал детем. И, стараясь обелить себя, он свои собственные обывательские взгляды на жизнь, собственное враждебное отношение ко всему виденному в СССР, собственную недобросовестность в освещении фактов и явлений советской действительности готов приписать характеру своих соотечественников, своему народу.

«Такую же свойственную полякам зависть он читателя. «Каждый народ имеет свои вековые навыки. Почему же я не хочу уважать русские навыки?.. Может быть, это такой польский национализм?»

Риторический вопрос автора нам представляется праздным. Книга «Скромный парень в гареме», — несомненно, режиссура буржуазного национализма. Это сознательная ориентация на старые, давно известные себе нормы в русско-польских взаимоотношениях, это нарочитое стремление умолчать о том, что принесли дружбе наших народов 40 советских лет и особенно 4 года совместной борьбы с фашизмом, 13 лет народной Польши. Именно так расценивают очерки Гена и наши польские друзья. Журнал «Пшьянз» недавно осудил издательство «Искры» за то, что оно «по совершенно непонятным мотивам» выпустило отдельную книгу «необъективные, а порой даже злобные репортажи Юзефа Гена о Советском Союзе».

К сожалению, «Скромный парень в гареме» — не единственный пример враждебного отношения к нашей стране некоторых польских публицистов и очеркистов. Лицемерно именуя себя нашими друзьями, эти клеветники стремятся ослабить закаленную временем дружбу польского и советского народов. Надо ли говорить о том, что их голоса звучат не сильнее юмарного писка?

В. ОСКОЦКИЙ

Восне и наяву

(Продолжение. Начало на 2-й стр.)

телей от вопросов идейно-художественной жизни советского искусства. Статьи Анастасьева сплошь состоят из бесконечных оговорок, приводящих, в конце концов, к ревизионным положениям об искусстве. Видно, чувствуя это, сам автор статьи «Театральные заметки» (№ 3, 1957 г.) пишет:

«Быть может, некоторым товарищам покажется, что, задавая такими вопросами, мы рискуем посягнуть на принципы политики партии и Советского государства в области искусства, оказывая на пути вредного ревизионизма. Я твердо убежден, что такое мнение будет ошибочным».

Да нет же, товарищ Анастасьев, такое мнение не будет ошибочным. Желание изолировать искусство от руководства партии; бездоказательные выпады в адрес ряда государственных организаций; попытка доказать, что только 20-е и 30-е годы дали блестящий расцвет театрально-драматического искусства, а 40-е и 50-е годы якобы привели театр к оскудению; чрезмерная гипертрофия, культ режиссерской деятельности Мейерхольда; принижение передовой драматургии последних лет — вот основные положения статей А. Анастасьева. И. Соловьевой, Н. Велесовой, В. Кардина и некоторых других. Скопечиваясь вокруг журнала активно действующую узкую группу театральных критиков, восхваляющих журнал А. Анастасьева, Е. Холодов, М. Стрובה по существу само-

лично подготовили и выпустили 10-й номер журнала, посвященный 40-летию советского театра, с беспримерных в нашем искусстве групповых позиций. Тенденциозно подобранный литературный и иллюстративный материал искажает действительную историю советского театра. Надо же быть настолько безответственным, чтобы в статье А. Мацикина «Золотой век режиссуры», значительная часть которой посвящена прославлению не только действительных, но и мнимых заслуг Мейерхольда, не вспомнить К. А. Зубова, много лет отлащившего строительство Малого театра, забыть Крушельницкого, Васянцева, походя, по-барски похлопав по плечу других крупных современных режиссеров. В статье «Черты современности» З. Владимировой ставит в один ряд «Мистерию-буфф» Маяковского и «Фабричную девочку» Володина, а типичным представителем 50-х годов считает Женю Шульженко на равных правах с представителем 20-х годов — Вершининым!

Журнал «Театр» решил устроить дискуссию. Затем серьезная. В основу дискуссии были положены три спектакля московских театров «Гостиница Астория» в Театре имени В. Маяковского, «Влады тьмы» в Малом театре, «Фабричная девочка» в ЦТСА. Какие же радости доставила эта очень узкая по составу участников дискуссия?

В статье Е. Холодова, заключающей дискуссию, это выглядит следующим образом: «Ничего Велесовой нравится пьеса А. Штейна «Гостиница Астория». Инне

Соловьевой тоже нравится эта пьеса».

Одним словом, раз Инне и Нине нравится пьеса, то, значит, все в порядке.

Но это не совсем так. Как говорится, «в ходе дискуссии» участники немало выслушали похвал на наш театр, на драматургов, а заодно и на советское общество. Гулять, так гулять! Что стоят развязные, злобные статьи Кардина. В одной из них («Дорога никуда») Кардин, заключив о восторге, пишет: «Потеснена холодная похлебка, допущу, как детский шарик, многозначительный конфликт безурочного рабочего-новатора и сдобородного профессора-консерватора, ушли, хочется верить — навсегда, с театральными подмостков интеллигентии, отравленные ядом низкопоклонства и возвращенные к новой жизни беседой с мудрой домработницей или проницательным парторгом». Что-то знакомое слышится в этой тираде. Ну, конечно же, подобную речь проносил один из вертодоксов Гражданского, Чик. «неопределенный человек», как назвал его Вихров. Дело происходило на заседании ученого совета Лесхозаистейного ученого института. Гражданский и его вертодоксы затаили «гражданскую панихиду» в честь Вихрова. Известно, что именно с этого момента, после выступления секретаря партийной организации, назвавшего речь Гражданского «припадком буржуазного красноречия», и начался закат главы шамки с «негативными установками».

Но Е. Холодов, явно присоединяясь ко всей позиции раздраженного обывателя Кардина, сам

еще обрушивается на безымянные противники Кардина. «О, философы золотой середины, — пишет Холодов, — никогда не позволял себе увлечься, а вот пристукнуть увлеченного с олимпийской высоты своей благой вертодоксальности — позволял себе, да еще как позволял!» Скажем прямо: «вертодоксальность» тут позамыслена в качестве самообороны.

А вот то, что сам Е. Холодов слишком увлекся, это бесспорно! Кто уж тут рещится «пристукнуть» его, когда именно он самым беспримерным образом в паре с М. Стрובה и рядом «пристукнули» Барулину и Демина, помявших высказав отрицательное мнение по поводу спектакля и пьесы «Фабричная девочка».

И несвольно снова вспоминается «Русский лес» и горячее восклицание безымянного пареня: «В шапке-кубанке с куском пламени вместо донышка», высказавшегося по адресу кривоудых оппонентов профессора Ивана Матвеевича Вихрова: «И откуда они, черт, берутся? Как от них не мойся, все одно напалут...»

...Где же ты, этот парнишка, вернулся ли ты в войны? Где ты сейчас — на Севере или на Дальнем Востоке? А может, вернулся на свою родню Кубань или подался на Украину, куда нибудь на Херсонщину, где совсем недавно мне пришлось слышать страстные слова горожан о том, как должен вырасти Херсон в связи с тем, что он стал центром нового экономического района, объединяющего промышленность Херсонской, Николаевской и Крымской областей?

Как же меняется наша земля, и сколько хороших людей, увлеченных своим делом, разбросано по необъятным ее просторам! Крым — это не только санатории и виноградники. Есть в Крыму и суровые земли, долгие годы лежавшие нетронутыми. Два года назад нам случилось побывать в Ленинском районе Крымской области, в селе «Семь Колосцев», одно название которого возвращало нас к прошлому: на вес золота была здесь вода, и, как говорят, семь помещиков владели когда-то семью колодцами.

Много хороших людей в этом районе, и один из них — долгие годы работавший в Ленинском районе Николай Иванович Райковский, первый секретарь Райкома партии.

По его просьбе, вместе с Евгением Поповичем, довелось нам недавно встретиться с партийным активом района. Три часа мы рассказывали о странах, которые повидали, а затем перешли к беседе о последних литературных событиях. Нам упрекали: что ж там ваши некоторые московские писатели и критики восторгаются по существу, против всего того, что мы, весь советский народ, делаем долгие годы? Мы же вель на опыте нашего, считавшегося когда-то отстающим, района можем сказать, а свидетелемствовать, как много поднято за эти годы, особенно за последние. Посмотрите на наши села, дороги, на наши дома. Это же мы сами, своими руками все сработали, коммунисты и беспартийные...

До чего же красив Крым в осеннюю пору! Нигде не встретишь таких багряных и золотых красок, как здесь, в плодородных крымских долинах. Крым — не Сибирь, не Дальний Восток, но и здесь видно, как за последние годы потрудились люди, сколько виноградников и садов высажено ими, как приурачались села, выпрямлялись витые крымские дороги.

Вместе с Е. Поповичем мы

ехали в гости к Сергею Николаевичу Сергееву-Ценскому. Конец октября, все мы были в предчувствии праздника сорокалетия. За обеденным столом первое слово произнес Сергей Николаевич. Поднявшись, он сказал:

— Вот какая штука. Я считаю, что человечество должно вести новое летоисчисление с октября 1917 года. Вот, за Советскую власть и за партию, — он протянул к нам свою небольшую рюмку, наполненную сладким виноградным соком.

А затем завязалась долгая разговор. Сергей Николаевич спрашивал: читали ли мы его стихи, опубликованные в газете «Известия»? Каков впечатление произвел его этюд «Ленни» в августе 1914 года, напечатанный в журнале «Огонек»?

— Вот какая штука, — говорил Сергей Николаевич. — Этот этюд написан много лет тому назад. Почему же он не был напечатан? Был один историк, ученый называвший себя. Он мне предложил когда-то свое соавторство по этому этюду. Понимаете, соавторство? Он говорил, что это его тема... Вот и не напечатали... Очень мне было трудно. Ругали часто. Вот такая штука. Очень меня не любил некоторые критики. Книжки мои «Путь выживания» и «Севастопольская стража» очень им не нравились. Разные обвинения против меня выдвигали. В «красном патриотизме» обвиняли за то, что писал я о русских людях, любящих свою землю. Особенно один старался,

Субоцкий, помните, вероятно, его? Всюду осуждал меня. То в журнале «Знамя», то вот в «Новом мире», помнится, в 1947 году. Вот какая штука. А здесь вот живу, хорошо, в Алусте, на горе. Сейчас бы, конечно, приехал в Москву. Но прибавляю... Большое дело — Российский писательскую организацию создали. Очень большое дело.

Сергей Николаевич достает большую тетрадь неопубликованных еще стихов. Хрипящая баском, через лупу разглядывая отдельные строчки, читает он написанное недавно, полное лукавого юмора стихотворение «Назад Цыбуля».

Наступает время прощания. Мы покидем Олуньку, ту, на вершине которой живет старый русский писатель, хранитель русского слова, пламенный патриот нашей Родины, Сергей Николаевич Сергеев-Ценский.

Машина крутит петлю на поворотах. Мы молчим, запоминая подробности встречи.

Вдруг Попович спрашивает: — А кто был редактором «Нового мира» в 1947 году? — Не помню.

— Интересно, все-таки... Да, пожалуй.

Мимо мелькает красно-золотые тополя, яловки с облетающими листьями, придорожный кустарник в багряном уборе. Жизнь встает во всей красе и прелесть всем своим существом делится отбрасывая всяческих вертодоксов системы Гражданского, питающихся «негативными установками».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛУХИН, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя жизнь — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммунарка — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30. 504451